

Т. В. Якушкина

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕТРАРКИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЛЮБВИ В ИЗДАНИЯХ ПЕТРАРКИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВЕКА

Материалом статьи послужили издания итальянских сочинений Петрарки. Их анализ позволяет проследить изменения в отношении к поэту итальянского общества, что проясняет наше представление о развитии петраркизма в XVI в. Филолого-гуманистический подход был характерен для первых двух десятилетий. Издания 1520-х гг. предлагают читать «Книгу песен» как историю его любви. Воплощением петраркистской концепции любви предстает издание Веллутелло.

Ключевые слова: Петраркизм, книгопечатание, Альдо, Веллутелло, биография.

Т. Yakushkina

FORMING OF PETRARCHISTS' CONCEPT OF LOVE IN EDITIONS OF PETRARCH IN THE FIRST THIRD OF THE 16th CENTURY

The article is based on the editions of Petrarch's Italian poetry. Their analysis can trace the changes in the attitude of the Italian society to the poet, which clears up our understanding of the development of Italian Petrarchism in the 16th century. The philological and humanistic attitude was characteristic for the first two decades. The editions of the 1520s proposed reading "Canzoniere" as the poet's history of love. The idea of petrarchists' concept of love gives us the Vellutello edition.

Key words: Petrarchism, book-printing, Aldo, Vellutello, biography.

За последние полтора – два десятилетия осмысление петраркизма сквозь призму развития книгопечатания стало приметой всех исследований, ему посвященных. Массовый характер итальянского петраркизма XVI в., по мнению современных специалистов, был бы невозможен без книгопечатания как общедоступного способа тиражирования идей и текстов. Беспрецедентное количество изданий «Книги песен» в XVI в. – 168 – лучшее тому подтверждение. В этой связи изучение изданий Петрарки становится принципиально важным. Выбор названия, принципы издания и оформления, характер распространения книги в социуме могут не только существенно дополнить наши представления о духовной жизни итальянского общества, но и являются уникальными сведениями о характере его отношения к Петрарке. Предложенный подход может оказаться плодотворным и в решении проблемы эволюции и периодизации петраркизма, по-прежнему не имеющей однозначного разрешения в

науке. Какой же предстает история петраркизма XVI в. сквозь призму изданий сочинений Петрарки?

Для ответа на этот вопрос нами были проанализированы 28 наиболее значимых изданий Петрарки из фондов РНБ, БРАН (Санкт-Петербург) и РГБ (Москва). В данной статье речь пойдет об изданиях первой трети века, среди которых решающая роль принадлежит изданиям Альдо Мануция и Алессандро Веллутелло.

Первое издание Петрарки в XVI в. совпало с началом столетия¹. Некоторые историки культуры склонны интерпретировать это совпадение символически, имея в виду начало нового этапа в развитии итальянской литературы, смену языковых ориентиров. Подобные оценки не случайны. Книга Мануция действительно стала заметным культурным событием эпохи. Значительна ее роль и в истории петраркизма.

К началу века Альдо прославился серией книг древних авторов. В отличие от изданий XV в., эти книги в одинаковом офор-

млении имели карманный формат, а значит, давали читателю возможность постоянного, а не только кабинетного общения с ними. Они были тщательно подготовлены. Неудивительно, что эта серия воспринималась не только как образец печатного мастерства, но и как результат скрупулезных гуманистических изысканий.

Издание после ряда античных шедевров итальянских стихотворений Петрарки, выдержанных и внешне, и концептуально в одном духе, не могло не привлечь к себе внимания — Мануций заявлял о своем стремлении поставить национальную классику в один ряд с классикой античной. Как и древние авторы, Петрарка был издан на языке оригинала. Это акцентировало название «Произведения на народном языке мессера Франческо Петрарки». Интерес к проблемам народного языка подчеркивался и в обращении к читателям, завершавшем книгу, где Мануций оговаривал правомерность использования тосканизмов. «Так его рукой оставлено людям», — писал он в обращении, и такая позиция обретала особый смысл: каждая форма народного языка как бы санкционировалась авторитетом великого поэта.

«Языковая» ориентация издания Альдо становится еще более очевидной, если вспомнить, что его корректировал Пьетро Бембо. Он подготовил к печати текст, «буква за буквой», как пишет Мануций, сверяя его с автографами Петрарки. И хотя следование оригиналу у Бембо оказалось не столь безоговорочным, как подчеркивалось в обращении², в глазах современников именно опора на подлинник делала это издание особенно ценным, а Бембо возводила в ранг знатока национального классика.

Мануций был далеко не первым, кто издал Петрарку посредством печатного станка. Однако предложенные им принципы издания — следование букве оригинала и удобство читателя — сразу заметно выделили его книгу на фоне предшествующих изданий. И все же главным, на наш взгляд, явилось другое. Впервые за 35 лет суще-

ствования книгопечатания в Италии книга поэта предстала без комментариев, с выверенными текстами и четкой структурой. Бембо не только унифицировал различные графические формы, содержащиеся в доступных ему кодексах, упорядочил текст и выверил пунктуацию. Он установил последовательность отдельных стихотворений и разделил «Canzoniere» на две части, дав каждой известные заглавия: «На жизнь» и «На смерть Мадонны Лауры»; за «Canzoniere» следовали «Триумфы». В такой работе над рукописями поэта явно ощутим «дух своеволия». Однако обращение к читателям скрепляло эту структуру и каждый ее элемент печатью авторской воли. Последнее придавало изданию Мануция особый статус — к нему сразу стали относиться как к образцу: большинство издателей повторяют название, композицию книги, тот же формат. В 1514 г., издавая Петрарку во второй раз, Мануций изменит название книги: вместо «Le cose volgari» просто «Il Petrarca» — и многие сделают то же самое; Мануций напечатает приложение (4 сонета, адресованных Петрарке разными авторами, с ответами поэта и 3 канцоны, принадлежащие перу Кавальканти, Данте, Чино и цитируемые Петраркой в одной из своих канцон) — и ни одно издание Петрарки до конца века не обойдется без него.

Издания Мануция имели большое значение для развития итальянского петраркизма. Впервые гуманистическая основательность сочеталась с ориентацией на широкого читателя. Очень важна была и ориентация на национальную литературную традицию и язык Тосканы. И хотя в первые два десятилетия века филологический, с прицелом на грамматику и лексику, подход не получил широкого отклика, сотрудничество Мануция и Бембо создало базу для рождения «филологии на вольгаре» (Фрассо). Наиболее же существенным явилось то, что в глазах публики альдины представляли истинного Петрарку, вызвав волну интереса к национальному классику.

После смерти Альдо его наследники осуществили третье издание Петрарки (1521)³. Ничего не изменив в издании 1514 г., они сопроводили книгу новым обращением к читателям. Коротенькая заметка — любопытный документ эпохи; в ней отражена направленность умонастроений итальянского общества на рубеже 1510—1520-х гг.

От гуманистической полемики с другими эрудитами, когда Мануций отстаивал каждую букву Петрарки, не осталось и следа. Обращение 1521 г. целиком посвящено любви: «Среди многих человеческих страстей, которым подвержены мы, несчастные смертные,... любовь относится к тем, которые... с наибольшей силой тревожат нас и доставляют мучения». Показательна позиция единения издателя со своей аудиторией. Однако таким же «несчастливым смертным» оказывается и Петрарка: «Кто не разглядит в его изящных стихах, что он также горячо любил, как любой другой любящий? /.../ Кто не почувствует, что сладостью слов... он возвысил вечными хвалами свою донну, равно как увековечил и себя?». Поэта с большой буквы, каким представал Петрарка в обращении 1501 г., сменил «наш мессер Франческо», и в этой смене акцентов — эволюция общественных настроений Италии за 20 лет.

Гуманистическая эрудиция и педантичность, а с ними почитание великого поэта отступают на второй план. На их место заступают новые критерии оценки классика: изящество, удовольствие, даже польза. В эпоху, когда в качестве нормы образованности и «вежества» общественный вкус требует умения рифмовать, Петрарка, как говорится в обращении, «самый полезный поэт, которого сегодня можно читать». Многие исследователи XX в. утверждают, что это обращение к читателям, равно как и два предыдущих, были написаны рукой Бембо. Тем более симптоматично выглядит изменение позиции гуманиста-эрудита.

Новое отношение к классику — самое заметное в обращении 1521 г. Любовь здесь предстает как универсальное чувство всех

смертных, уравнивающее великого поэта и его рядового читателя, а умелое стихосложение становится средством возвышения читателя до уровня поэта, приоткрывающее ему путь к славе и вечности. Поэтому обращение завершается открытым призывом — читай и учись у Петрарки: «Пусть каждый прочитает нашего поэта с радостным сердцем, в особенности те, кто влюблен; пусть постоянно имеют его под рукой, потому как... они не только научатся целомудренно любить, но и изящно запечатлевать в стихах свои любовные порывы...». Слова «подражай» здесь нет, но модель поведения, сниженная до уровня любого читателя-влюбленного, сформулирована вполне: используй *его* мастерство, описывая *свои* переживания.

Несмотря на то, что первые два издания Мануция формировали гуманистический, преимущественно филологический взгляд на итальянские сочинения Петрарки, в обществе утвердилось другое к ним отношение. Тенденция на очеловечивание поэта, на прочтение его стихов как документа любви и на восприятие любви как центрального момента жизни и творчества преобладает в изданиях 1520-х гг. Ее кульминацией стало знаменитое издание Веллутелло (1525)⁴.

Веллутелло предложил новую концепцию издания Петрарки, поставив под сомнение авторитет Мануция и Бембо. В «Трактате об изменении последовательности сонетов и канцон Петрарки» он доказывал, что оригинал не является достаточным основанием для установления порядка текстов «Книги песен» — автографы Петрарки сохранились на отдельных листах, и последовательность между ними установил тот, кто собрал их первым. Между тем, у каждого текста есть свое содержание (*sogetto*), и оно диктует другую последовательность.

Веллутелло пошел на еще один шаг и предварил текст «*Canzoniere*» обширным биографическим материалом, посвященным поэту и его возлюбленной. Коммен-

тированный Петрарка в сопровождении биографии поэта — обычное явление в XV в., однако в XVI в. такая практика была не популярна: несколько перепечаток комментариев XV в. теряются на фоне изданий, ориентированных на образец Мануция. Не удавшиеся попытки переиздавать старые, 1440-х гг., комментарии выглядят симптоматично: с одной стороны, это свидетельствовало о потребности в самом комментировании, с другой — об их явном несоответствии новым веяниям. Создается впечатление, что первые два десятилетия, период безусловного авторитета изданий Мануция, стал периодом некоего собирания сил. Текст «Книги песен», изданный в «чистом» виде, требовал осмысления, в первую очередь идеологического. К концу второго десятилетия в обществе, по-видимому, созрела необходимость в новых идеологемах и мифах. Заполнить образовавшийся пробел старыми комментариями было трудно. На этом фоне и появляется издание Веллутелло.

Как биограф Петрарки Веллутелло не оригинален. Сведения о семье, о передвижениях по миру и личных свершениях поэта у Веллутелло, как у большинства биографов XIV—XV вв., остаются пестрым набором фактов, где самые выдающиеся события из жизни сочетаются с самыми незначительными. Только один эпизод его жизни — встреча с Лаурой — развернут широко и обстоятельно. Он затмевает собою все остальные, даже венчание лавровым венком:

«Собираясь уехать из этого места в следующем году, который был годом Господа нашего 1327 и 23 годом его жизни, по причине чумы,... он [Петрарка] открыл для себя некую долину,... которая называется Воклюзом... И случилось так, что однажды утром в святую пятницу, которая... приходилась в тот год на 6 апреля, он, направляясь в место, которое называется Илла, примерно в полумиле от Воклюза, чтобы послушать божественную службу,... настиг по дороге необычайно милую девушку,

дочь синьора Кабререс...; имя девушки было Лауретта, и вместе с другими женщинами она шла к Илла по той же причине... В этом месте наш поэт был захвачен любовью к той, чьи добродетели и красота в последующих произведениях были воспеты им... с восхитительным изяществом, и которую он прославил не под именем Лауретты, а под именем Лауры для большего благозвучия».

Следует отметить, что ограниченный, как и все биографы, в источниках информации, Веллутелло старается отнестись к ним критически. Он перепроверяет даты, предпринимает собственные изыскания, убирает явные домыслы. Такая работа не освобождает его биографию от ошибок и неточностей. Но ни автора, ни современников это не смущало. Биография Веллутелло не только будет одной из самых популярных в XVI в., но и другие биографы этого столетия пойдут по его стопам. Опора на исследовательскую добросовестность или хотя бы внешнее следование ей станет обязательным условием изданий эпохи.

Однако полнее всего новизна Веллутелло ощущается в очерке, посвященном Лауре. Сведения о ней были так скудны, что в самостоятельное жизнеописание никогда прежде не выделялись. Комментаторы XIV—начала XV в., ценившие Петрарку как автора латинских сочинений, были склонны воспринимать ее как поэтическую аллегория и упоминали о ней вскользь. Гуманистам, занятым возрождением античной классики, любовь поэта была не интересна, и вопрос о ее жизненной достоверности для них не существовал. Интерес к героине «Книги песен» пробуждается только в последней трети XV в., когда начинается увлечение итальянской поэзией. Из плода художественного воображения она превращается в земную женщину, и в биографиях Петрарки ей уже подчас отводится не меньше места, чем самому поэту. Однако ввиду отсутствия фактов «информацию» черпали либо из сочинений Петрарки, либо из легенд.

Встав на путь документальных изысканий, Веллутелло попытался устранить все, что было связано с легендарностью прежних рассказов о Лауре. С этой целью он дважды посещает Авиньон, изучает регистрационные книги. Учитывая временную дистанцию, найти что-либо новое было весьма затруднительно, и собранный материал в историю жизни не складывался. При всей свободе и относительности формальных признаков жанр жизнеописаний отличался устойчивым содержанием — жизнь и поступки выдающейся личности. Последнего как раз и не хватало. Известные качества — «красота и добродетели» Лауры составить целостный облик не могли, и у Веллутелло они свидетельствуют скорее об обоснованности выбора поэта, чем о достоинствах самостоятельной личности.

Веллутелло не пытается обмануть своего читателя и самим названием «Происхождение Мадонны Лауры с описанием Воклюза, где Поэт впервые в нее влюбился» подчеркивает: описание жизни Лауры у него заменено вопросом о ее происхождении. Однако, несмотря на название, очерк, помещенный на традиционное место биографии, создавал иллюзию биографии. Простым композиционным приемом Веллутелло удалось присвоить Лауре новый статус: она становилась равноправным, а не подчиненным участником любовной истории. Иначе как о конкретной исторической фигуре о ней нельзя было говорить.

Подчеркнем, реальность Лауры не вызвала сомнений и в XV в. Однако в 20-е гг. XVI в. отношение к этой проблеме совершенно иное: читателю нужны не только факты, но и подробности. В издании Веллутелло мы впервые сталкиваемся с новыми общественными тенденциями: повышенным интересом к теме и ориентацией на массового читателя, которого жизненная подоплека событий волнует больше, чем эстетические достоинства стихов. Это хорошо видно в том, как Веллутелло пишет свой очерк.

Отсутствие новых фактов автор компенсирует рассказом об их поиске, так что временами его сочинение напоминает современное журналистское расследование. Значительное место занимают и замечания личного характера — Веллутелло был первым, кто предпринял путешествие по местам любви. Но, без сомнений, самым удачным авторским ходом была нарисованная Веллутелло карта Воклюза и Авиньона. Помещенная в начало издания в полный разворот книги, она воспринималась как документальное и наглядное подтверждение жизненной достоверности любви и всего, что имело к ней отношение.

Для Веллутелло не существует никаких сомнений в жизненной основе «Canzoniere». Он рассматривает текст книги Петрарки как документ и работает с ним как биограф: уточняет хронологию событий, сопоставляет тексты, перегруппировывает их в новые тематические блоки. Это позволяет Веллутелло тот или иной лирический мотив развернуть в целую историю, насытить житейскими подробностями, представить наглядно. Недосказанность лирики провоцирует Веллутелло к интерпретациям, к додумыванию причинно-следственных связей. Однако художественные домыслы тут же «снимаются» конкретикой топографических реалий. Возникающая в таком контексте ссылка на знакомый поэтический текст заставляет воспринять его как иллюстрацию реальных событий.

Веллутелло как будто не заметил, что, действуя таким образом, он низвел Петрарку до уровня простого смертного, а устранив все, что не имело отношения к любви, он превратил Поэта с большой буквы в обычного влюбленного. Переписанная таким образом «Книга песен» переключала читательское восприятие с плана художественности в план реальных жизненных событий, где особый интерес — и комментаторский, и читательский — составляют поведение и психология влюбленного. Последнее, особенно ярко проявившись в

комментарии к сонетам и триумфам, явилось одним из наиболее значительных вкладов Веллутелло в практику петраркизма. Оно создавало основу для подражания в литературе и в жизни⁵.

Три сочинения: трактат, биография Петрарки и очерк о происхождении мадонны Лауры, солидная теоретическая и психологическая подготовка читателя, — явились прелюдией к тому, чтобы Веллутелло смог осуществить главное — отсечь все, что не имело отношения к любви поэта. Веллутелло делит книгу не на две, а на три части, отделив собственно любовные стихи Петрарки (I часть — на жизнь, II — на смерть мадонны Лауры) от написанных по другим поводам. Веллутелло попытался пойти еще дальше, намереваясь издать «Canzoniere» без «Триумфов». Но вынужден признаться, что друзья отговорили его от этой затеи.

Положив в основу своего замысла идею любви как главного события человеческой жизни, Веллутелло попробовал довести ее до логического конца. Он опирается на тот же образ Петрарки-влюбленного, который мы видели в издании 1521 г. Веллутелло не просто выделяет любовный эпизод из чреды жизненных событий, затушевывая все остальные. Он разворачивает его в отдельный очерк, придавая ему значение главного момента человеческого бытия. Он меняет расстановку сил: возлюбленная становится не менее значимым действующим лицом, чем любящий. Он соединяет любовную историю с географией, другими словами, наделяет любовь двумя важными характеристиками — временной и пространственной. В совокупности это позволяет говорить об издании Веллутелло как о воплощении петраркистской концепции любви.

В основе этой концепции лежит представление о неразрывности связи между жизнью и литературой. Издание Веллутелло, взятое как целое, представляет собою постоянное движение из мира реальности в мир литературы и наоборот. Петрарка и

Лаура одновременно и реальные люди, и герои художественных произведений. Их биографии, рассказанные как истории реальных, а не вымышленных людей, получают свое продолжение и подтверждение в «Canzoniere». А «Canzoniere» выступает одновременно и как доказательство реальности двух возлюбленных, и как художественная поэтизация этой любви.

Вместе с тем обоснование земного характера любви Петрарки значительно сокращало дистанцию между ним и рядовым читателем. В биографических комментариях он представал как «пример известнейшего человека, побежденного Амором». Читатель в свою очередь, именно через сходство с великим в любви, возвышался, получая возможность войти в вечность.

Сделав центром своего мира земную любовь, петраркисты не могли ограничиться его профанной, линейной историей. Возможно, поэтому «Canzoniere», в отличие от «Триумфов», на протяжении всего XVI в. никогда самостоятельно не издавался. Смысл жизни должен быть сакрален и онтологичен, и «Триумфы» выводили любовь Петрарки (через ряд этапов: любовь — чистота — смерть — слава — вечность) из пространства и времени человеческой жизни в вечность.

Попытка Веллутелло представить в «чистом виде» любовную историю Петрарки, по-новому перекомпоновав «Canzoniere», не прижилась. Однако усилия Веллутелло не пропали даром: после него уже ни одно издание Петрарки не обходилось без жизнеописаний поэта и Лауры, часто их сопровождало и «описание места, где поэт впервые в нее влюбился». Поначалу печатники использовали очерки Веллутелло, которые только в Венеции на протяжении XVI в. перепечатывались 27 раз. Вскоре появились новые биографии Петрарки: Дж. А. Дезуальдо (1533), Б. Даниелло (1541), Г. Ровилло (1550). Отличаясь большей или меньшей тщательностью в подборе фактов и заимствовании чужих мест, эти сочинения объединяла установка на реальность

любвонной истории и стремление к биографическим мотивировкам лирических ситуаций «Canzoniere».

Однако, пожалуй, наиболее существенным вкладом Веллутелло в последующую историю петраркистских изданий стало формирование нового принципа изданий итальянских сочинений поэта. Четыре издания Веллутелло окончательно вытеснили образец Мануция. С начала 1530-х гг. составляющими нового типа издания стали: жизнеописание Петрарки; жизнеописание

Лауры, которое могло входить в жизнеописание поэта; «Canzoniere» в двухчастной композиции и с комментариями; «Триумфы». Завершали этот корпус приложение, как оно появилось в издании 1514 г., и указатель текстов (*tabula*), который иногда мог перемещаться в начало книги. Такими издания Петрарки оставались вплоть до конца века. Это и понятно, ведь в единстве перечисленных элементов такое издание являло модель петраркистского мировосприятия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Petrarca F.* Le cose volgari di Messer Francesco Petrarca. — In Vinegia [Venezia]: nelle case d'Aldo Romano, 1501. — [1], [92] с.; 8°.

² Подробнее о подготовке Бембо рукописей Петрарки см.: Belloni G. Laura tra Petrarca e Bembo: studi sul commento umanistico-rinascimentale al “Canzoniere”. — Padova: Antenore, 1995. — P. 96–119.

³ *Petrarca F.* Il Petrarca. — In Vinegia [Venezia]: nelle case d'Aldo et d'Andrea Asolano suo suocero, 1521. — 184, [24] с.; 8°.

⁴ *Petrarca F.* Il Petrarca con l'espositione d'Alessandro Vellutello e con molte altre utilissime cose in diversi luoghi di quella nuovamente da lui aggiunte. — [Vinegia (Venezia): Stampato per Barnardino de Vidali], 1528. — [51] л.: ил.; 4°.

⁵ Подробнее см.: *Baldacci L.* Il petrarchismo italiano nel Cinquecento. — Milano; Napoli: Ricciardi, 1974.